

САНДРО МАМАГУЛАШВИЛИ

S O S

литературный конкурс

Проект особого
значения

ЗАСЛОН

ЛитРес

16+

Сандро Давидович Мамагулашвили

SOS

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67761467

SelfPub; 2022

Аннотация

Mayday ... Mayday! Сообщение транслируется ... АО «ЗАСЛОН». Наш мир, наше измерение подверглось ... Нам необходима ... Осталось ... времени! Откликнитесь ... кто-нибудь. Умоляем! ... – ...

Содержание

Сандро Мамагулашвили

SOS

Марионетка без нит – лишь поломанная кукла. На что она способна без своего господина? Только лежать? ТОЛЬКО ГНИТЬ? Или же у нее есть возможность подняться? Самостоятельно встать и стоять, радуясь новообретенной свободе?

– Профессор! Вы слышите меня, профессор? Кажется, получилось! ЭЭГ¹ улавливает слабую биоэлектрическую активность. Да! Я абсолютно уверен! Мы только что установили контакт с сущностью из другого измерения!

Человек, худосочный мужчина лет тридцати пяти, облаченный в просторный и лишь номинально белый халат, пристально наблюдал за показателями расположенных перед ним мониторов. Он энергично крутил головой, переводя свой взгляд то на экраны компьютеров, то на металлический прямоугольный ящик с двумя щелями, из которых валил свет. Ученый, хотя нет, скорее его подмастерье, нервничал и никак не мог усидеть на своем кресле, отчего его зачесанная набок челка сместилась на широкий лоб, а очки с круглыми линзами, обрамленные толстой черной оправой,

¹ Электроэнцефалограмма – процедура, позволяющая выявить электрическую активность головного мозга.

чуть не свалились с раскрасневшегося прямого носа.

– Профессор, ну где вас носит? – отжав кнопку рации, поинтересовался гнусавый мужчина.

– Бегу, Хаим, – последовал незамедлительный ответ с другой стороны. – Наш комплекс большой, а меня уже лет десять никто не называл молодой, даже ради банального приличия. Не волнуйся. Скоро буду, причем не одна.

Что-что, а данное помещение и правда обладало внушительными габаритами. Вправо и влево от центра комнаты тянулись ряды массивных трехметровых процессоров с прозрачными стенками, через которые виднелись их технологичные внутренности. Воздух здесь был затхлым, вытяжка явно не справлялась, да и освещение работало не везде: мрак поглотил практически две трети окружающего пространства.

Что это за место и какие цели преследовали трудящиеся здесь люди? Да! Именно цели, ведь в их наличии можно было не сомневаться.

На одной из бетонных стен красовалась эмблема: изображение шестеренки, обрамленной тремя треугольниками со сглаженными углами. Исползованные в рисунке краски по-прежнему сохранили свою яркость, точнее, кто-то намеренно за этим следил. Так могло выглядеть лишь знамя, лишь символ, штандарт – необходимый атрибут коммуны, объединенной схожими идеалами и будущим.

Вдруг где-то вдали раздался скрип. Двери лифта откры-

лись, а потом до Хаима донесся звук приближающихся шагов.

– Наконец-то! – обрадовался помощник и вскочил с кресла. – Простите за ожидание, – учтиво обратился он к металлической коробке, установленной на постамент и утыканной различными проводами. – Наверняка у вас скопилось огромное количество вопросов, но не волнуйтесь, мы обязательно ответим на каждый. Точнее, это сделает она. Позвольте представить, Елена Тимофеевна Хельковская, главный научный руководитель АО «ЗАСЛОН».

– Скорее, была им когда-то, – поправила коллегу женщина, которая только что показалась из-за вереницы процессоров. – От старых привычек избавиться нелегко, вот мы и цепляемся за былые титулы. Они – то немногое, что у нас еще осталось, поэтому прошу снисходительно отнестись к нашей маленькой сентиментальности.

Женщина уверенным шагом приблизилась к коробке на постаменте. Ей было уже далеко за шестьдесят (гадать, на сколько именно лет, казалось невежливым). Невысокая, особенно по сравнению с установленными неподалеку машинами. Ее лицо пересекали глубокие морщины, а седые грязные волосы она завязала в хвост. Халат на ней, в отличие от Хаима, сидел как влитой, правда, она набросила его впопыхах.

Одного взгляда хватило, чтобы понять – этот человек пережил многое. Свалившиеся на нее трудности иссушили профессора, вытянули из нее жизнь, но не полностью, и

подтверждением тому являлись глаза: зеленые и яркие, по-прежнему излучающие силу и любознательность.

– К сожалению, с возрастом мне стало сложнее длительное время обходиться без сна, – призналась Хельковская, но лишь для того, чтобы поддержать небольшую светскую беседу, прежде чем переходить к делу, – поэтому я не смогла лично приветствовать вас в момент... появления.

– *Оно* нас видит?

Этот хрипловатый, но очень приятный баритон принадлежал третьему человеку в комнате. Тому, кто предпочел пока держаться в тених, коих здесь имелось в избытке.

– Ах, да! – тут же улыбнулась Хельковская. – Раз мы начали друг с другом знакомиться, то позвольте я представлю и своих коллег. С моим помощником, Хаимом Даллем, нашим специалистом по связи, вы должны были уже познакомиться. А этого молодого человека с голосом подлинного диктора зовут Олег Одинцов.

Военный. Так он, по крайней мере, выглядел. Широкая спина и натренированные руки. Густые черные брови и борода. А еще взгляд – оценивающий, видящий во всем потенциальную угрозу.

– Профессор, я повторяю. *Оно* нас видит?!

– Одинцов! – возмутился Хаим. – Некорректно обращаться к нашему гостю так неуважительно! А что, если *его* или *ее* это обидит!

– Так пусть жалуется, – пожал плечами Олег. – К тому же

с чего ты взял, что у нашего *гостя* вообще есть пол?

Хаим, кажется, хотел что-то возразить, но осекся и неуверенно посмотрел на коробку.

– Мальчишки, прошу, прекратите, – вновь перехватила инициативу Хельковская. – Не позорьте нас! – сказала она, после чего вздохнула. – Отвечая на твой вопрос, Олег: да, видит. Однако наше понимание «зрения» слишком узкое для описания данного процесса. Гость может не просто наблюдать за нами. Он получает информацию в виде кода, который им подсознательно перерабатывается во всеобъемлющую картинку реальности и пространства. Запахи, образы, даже чувства и мысли – всё это гость способен улавливать. Проще говоря, мы для него как открытая книга, но наверняка я не знаю. Лишь теоретически.

– Супер, – недовольно буркнул Одинцов.

– Но, если честно, ребята затронули очень хорошую тему, – будто невзначай отметила профессор. – Могли бы *вы* каким-то образом сообщить нам ваше имя? Думаю, это значительно упростило бы наше дальнейшее общение.

Троица замерла в ожидании. Хаим даже вернулся обратно к мониторам, надеясь, что по сигналам от мозговых волн сможет что-то понять, но ничего так и не произошло.

– Давайте я уточню, – не сдавалась Хельковская. – Мы обращаемся именно к вам. К вам! К человеку или разуму, который не так давно *пришел* в наше измерение. Ответил на наш сигнал «SOS». Вы же слышите нас? Видите?! Пусть и в

своей особой форме. Можете ли вы подать нам хоть какой-то знак?

Вновь наступила тишина.

– Мне ответить за нашего *гостя* или вы сами уже обо всем догадались? – язвительно поинтересовался Одинцов.

– Помолчи, Олег, – огрызнулась Хельковская. – Я тебя сюда позвала не для того, чтобы ты остроумием хвастался.

– Профессор, я всё еще улавливаю мозговую активность. Даже отголоски эмоций, – отрапортовал Хаим и шмыгнул носом. – Наш гость по-прежнему здесь. Наверное, он просто не может нам ответить или передать информацию так, чтобы мы ее поняли.

– А чего вы ожидали от светящийся коробки? – вновь вмешался Олег.

– Одинцов, крайнее предупреждение. Я не шучу! – приструнила военного Хельковская, после чего ненадолго задумалась. – Спасибо, Хаим. Я тебя поняла. Давайте сделаем всё возможное, чтобы наш гость и впредь не утратил к нам проявленного интереса. Он способен покинуть нас так же легко, как и пришел. И думаю, мне не стоит лишний раз напоминать, что произойдет, если он все-таки решится так поступить.

В ответ на сказанное Олег лишь скрестил на груди руки, а профессор вновь переключила свое внимание на коробку.

– Печально, конечно, что у нас не получится нормально поговорить, но и отчаиваться не стоит. Для беседы достаточ-

но и желания, а остальное приложится. И раз вы сами не можете сообщить нам ваше имя, то позвольте я придумаю его за вас. Подберу какое-нибудь достойное обращение. Например, Господин Наблюдатель? Да! Так уж вышло, что именно им вы для нас и являетесь – наблюдателем из другого измерения. Что скажете? Такой титул вас устроит?

Хельковская взглянула на Хаима.

– Э-э-э, считываю показания, – замешкался помощник. – Префронтальная кора и гиппокамп подсвечены. Думаю, гостю обращение подходит.

– Чудесно, – улыбнулась Хельковская. – В таком случае, Господин Наблюдатель, не буду ходить вокруг да около. Наше измерение погибает, и нам нужна ваша помощь, чтобы его спасти.

Ученая сделала паузу и вновь посмотрела на Хаима.

– Продолжайте, профессор. Не останавливайтесь. Я сообщу, если что-то пойдет не так.

– Хорошо, – ответила она и набрала в грудь воздуха. – Давайте сперва я расскажу о том, как мы вообще оказались в столь плачевной ситуации. Всё началось семь лет назад, когда мировой научный гигант «Сурт Технолоджис» выступил с заявлением. Им удалось разработать процесс создания Кротовых нор – стабилизированных туннелей сквозь пространство, позволяющих в мгновение ока пересекать огромные расстояния. Компьютерные симуляции выдавали удивительно обнадеживающие результаты, а полеты к другим звез-

дам становились всё более и более реальными. Планету охватила истерия. Это были поистине невероятные новости. Кто бы мог подумать, что будущее окажется так близко, стоит только построить первый функционирующий прототип. Наша организация, АО «ЗАСЛОН», тоже приняла участие в создании. К слову, весь этот комплекс, в котором мы сейчас находимся, был специально возведен вблизи основной площадки, дабы регулярно и своевременно снабжать проект «Биврест» необходимым оборудованием и комплектующими. Спустя годы трудов лучших умов, населяющих Землю, момент для первого пробного запуска наконец-то наступил. Этот день люди ждали с нетерпением. Он же, к сожалению, и стал переломным во всей известной нам истории.

Хельковская замолкла. Ее сознание на мгновение улетело куда-то далеко, а во взгляде отчетливо читалось сожаление.

– Пространственный тоннель работал ровно девять секунд, но так и не открыл проход в указанную точку на другом полушарии, зато прорвал ткань реальности и связал воедино два параллельных измерения. Правда, параллельными они оставались недолго. Два мира начали сталкиваться, точнее, свертываться по углам и проникать один в другой. Данное событие запустило процесс самоликвидации, который привел к глобальным катаклизмам, невиданным аномалиям и к утрате миллиардов человеческих жизней. Мы слишком поздно поняли, что самое безопасное место – это центр бури, а вовсе не окраины. Друзья и родные. Поначалу мы мо-

лили их убраться как можно дальше и тем самым подписали им смертный приговор.

Теперь и Хаима настигли тяжелые воспоминания. Лишь Олег держался как прежде: отстраненно и враждебно.

– В данных условиях мы существуем уже практически три года, – продолжила свой рассказ Хельковская. – Нам неизвестно, сколько у нашего мира еще осталось времени. С каждым новым сезоном пригодных для обитания территорий становится всё меньше. Боюсь, если ничего не сделать, то это будет наша последняя зима. Однако с вашим прибытием у нас появился шанс на спасение. Не наверняка, – искренне призналась она, – но процентов на сорок, что уже немало. Надо захлопнуть Кротовую нору! И по сей день она продолжает функционировать. Мы не знаем, откуда установка берет энергию для поддержания портала в открытом состоянии, но так уж заведено: когда дело касается квантовой физики, то возможно даже немыслимое.

– Переходите к главному, профессор, – вновь подал голос Одинцов. – Пусть *господин* знает, на что мы пытаемся его подговорить.

Хельковская напряглась.

– Наверняка вы гадаете, а почему мы до сих пор этого не сделали. Не закрыли пространственный переход. Так вот, на то есть причина. Олег, будь так добр и покажи Господину Наблюдателю видео.

– Я что? Должен к коробке его поднести?

– Да. Если не сложно, – вымученно улыбнулась Хельковская.

Нехотя военный выудил из кармана телефон, подошел к постаменту и нажал кнопку воспроизведения. На экране появилось изображение заснеженной местности, снятой откуда-то сверху. Батарея танков медленно приближалась к развалинам огромного комплекса без крыши и большинства стен. В его центре виднелось нечто напоминающее врата, окруженные золотистым свечением, но с абсолютно черной серединой. Однако не это было самым удивительным на записи. Какой-то монстр, трехметровый великан, походивший на животное с четырьмя огромными лапами и когтями, охранял подступы к порталу.

– Это существо появилось там практически сразу после контакта измерений, – прокомментировала Хельковская. – Мы называем его Кротом. Собственно, именно оно и уничтожило площадку проекта «Биврест», а также мешает нам подобраться к норе. Оно словно охраняет свою территорию. Не спит, не ест, продолжая оставаться на одном месте и нападать на любого, кто подойдет слишком близко. Не раз и не два мы пытались его уничтожить, по-тихому пробраться мимо, но всё тщетно, и скоро вы поймете почему.

Танки на видео дали одновременный залп. Снаряды устремились вперед и вот-вот должны были ударить по великану, как тот неожиданно исчез и возник совсем в другом месте. Раздался оглушительный рев, после чего он «прыг-

нул» вновь, оказавшись прямо перед военной техникой. Ему не составило и малейшего труда раскидать многотонные машины, словно детские игрушки. Атака провалилась, а у людей не было и шанса спастись от разъяренного чудовища.

Олег убрал телефон и отступил в тень, позволив Хельковской вновь выйти вперед.

– Мы следили за Кротом достаточно долго, чтобы понять: перемещения великана не имеют ничего общего с телепортацией. Дело куда сложнее: он находится в состоянии «суперпозиции²».

– У меня одного от этих терминов голова болит? – поинтересовался Олег, но никто на его жалобы не обратил ни малейшего внимания.

– Говоря попроще, – все-таки сжалилась Хельковская, – Крот существует в двух измерениях одновременно: в своем и в нашем. Он словно застрял, запутался, причем на субатомном уровне, оттого неосознанно и дрейфует между вселенными. Мы считаем, что пространственный тоннель каким-то образом повлиял на него, отчего монстр погряз в неопределенности. Нам же необходимо немедленно вывести его из данного состояния. Материализовать в нашей реальности, ведь только так с ним получится окончательно разделаться и расчистить путь к нашей первостепенной цели.

Профессор невольно начала прогуливаться по комнате,

² Суперпозиция – особое состояние объекта в квантовом пространстве, когда он находится в нескольких местах одновременно.

поддавшись атмосфере момента и старым лекторским привычкам.

– Исходя из вышеперечисленного, у нас созрел следующий план действий. Если несильно вдаваться в подробности и теоретическую физику, то вывести объект из состояния «суперпозиции» может лишь Наблюдатель. Представьте себе квантовое пространство, – произнесла Хельковская и развела в стороны руки, – наполненное мельчайшими фундаментальными частичками. Все они хаотично существуют и резвятся, находясь в нескольких местах одновременно. Для них это абсолютная норма, но стоит вам вторгнуться в данный процесс и немного понаблюдать за ним, как частицы резко остановятся. Застынут в определенной позе, словно при игре в «Тише едешь, дальше будешь». Удивительно, неправда ли?! И поверьте, я ничего не сочинила и нигде не приврала. Получается, стоит вам на них только посмотреть, как они тут же определяются со своим местом в мире, становясь реальнее, чем когда-либо были до этого.

Ученая прервалась, облизав пересохшие губы.

– Так данная ситуация выглядит в миниатюре, вот мы и решили попробовать нечто похожее, разве что в масштабах побольше. Что уж сказать, дело сразу пошло наперекосяк. Как вы, наверное, уже заметили: Крот не принимает нас за достойных наблюдателей. Великан словно требует кого-то повесомей – эквивалентное тело, но не по массе, а по значению, которое он не смог бы так легко игнорировать. Если на-

ша теория верна, то монстра из состояния «суперпозиции» сможет вывести лишь некто идентичный ему самому: сущности, находящейся в двух измерениях одновременно.

Хельковская остановилась и посмотрела на коробку.

– Да, Господин Наблюдатель. Я говорю о вас. Установка, позволяющая нам сейчас общаться, называется «Глейпнир». По сути, это биологическая антенна, искусственный мозг в коробке, с некоторыми технологическими улучшениями, но в то же время и мост для разума, позволяющий сознанию визитера находиться в двух реальностях сразу, – пояснила она. – Что такое душа? Представим, что это сгусток конкретной информации. Обязательно ли она зарождается и существует внутри тела, или же плоть лишь подходящий приемник, а сам дух существует где-то еще, например, в обособленном измерении? Если это так, то связь на уровне вселенных вполне возможно установить, особенно после некоторых событий, сделавших мир-реципиент податливым к путешествиям извне. Собственно, наше с вами общение лучшее подтверждение того факта, что мы оказались правы. Не знаю, как данный процесс выглядит с вашей стороны, но примите мою вечную признательность за то, что ответили на нашу просьбу о помощи.

– Профессор, – одернул Хельковскую Олег. – Время!

– Подытожим, – отрезала она. – С вашим прибытием в наше измерение у нас наконец-то появился реальный шанс раз и навсегда покончить с этим кошмаром. Беря в расчет

ваше особое состояние, стоит Кроту только оказаться в пределах «видимости» подлинного наблюдателя, как он тут же материализуется, и его можно будет убить. Конечно, пока это лишь теория, и нам хотелось бы ее проверить. Присутствующий здесь полковник Одинцов вызвался сопроводить вас до места проведения полевого испытания. Смею вас заверить: слишком близко к позиции монстра он вас подносить не станет. В сопровождение мы направим подразделение солдат, а также, даже если всё пойдет не по плану и «Глейпниру» будет нанесен урон, вы просто вернетесь в свою реальность, не получив никаких повреждений.

Хельковская лукавила. Ей недоставало проверенных данных, чтобы с уверенностью заявлять подобное. Однако она искренне верила в сказанное.

– Можете ли вы сообщить нам ваше решение? Вы согласны отправиться на небольшую экскурсию, дабы воочию увидеть местные... *достопримечательности*?

– Хаим? – поинтересовался Олег, явно намекая, что у него уже заканчивается терпение.

– Подожди, Одинцов! Я выясняю, – огрызнулся ученый. – Нейробиология не моя основная специальность! К тому же мозг устроен работать как система. Не бывает такого, что лишь одна извилина в нем отвечает за слово «да» или «нет».

– Ясно, – беспардонно соврал военный. – Так всё же...

Хаим в ответ лишь издал стон, полный раздражения, после чего произнес:

– Да! Кажется, Господин Наблюдатель согласен.

– Отлично! – буркнул Олег. – Отсоединяйте его. Вертушка уже готова к отправлению.

Ученые сразу же принялись за работу и уже через несколько минут всучили в руки военному освобожденный от проводов ящик.

– Береги его, Олег, – попросила Хельковская.

– Постараюсь, – ответил Одинцов без особого энтузиазма. – Вы уверены, что это сработает?

– Нет, – честно призналась она, – но у меня хорошее предчувствие. Мы уже совершили невозможное: установили контакт с представителем другой вселенной без разрыва пространственно-временного континуума. Думаю, удача наконец-то начала нам благоволить.

Олег лишь хмыкнул, но не стал комментировать ее последнее заявление и быстро распрощался с профессором. Они договорились поддерживать постоянный радиокontakt, но стоило ему войти в лифт и нажать кнопку самого верхнего этажа, как военный тут же замолк и больше не проронил ни слова.

Гадать особо не приходилось – мужчина испытывал к Наблюдателю открытую неприязнь.

Вот бы узнать почему! Забраться в голову и выведать все скрытые там мысли. Да! Однажды... Когда он потеряет бдительность.

Долгая поездка на лифте закончилась небольшой тряской. Как только двери перед человеком и коробкой открылись, внутрь устремился поток холодного воздуха. Ветер бушевал, дул непрерывно, причем с завидной настойчивостью. Сопrotивляясь ему изо всех сил, Олег бросился бежать вперед, к посадочной площадке и вертолету, чьи лопасти уже всюю вращались. Забравшись в салон и прихватив с собой Наблюдателя, он приказал:

– Взлетаем!

Но из-за окружающего шума никто его так и не услышал. Седовласый пожилой мужчина – один из четырех ветеранов-асов, который прошел с Одинцовым немало сражений и был выбран для участия в данной разведывательной операции, протянул командиру наушники с микрофоном. Олег незамедлительно взял и надел их, повторил свое распоряжение вновь, после чего устроился в кресле, примостив по соседству металлический ящик с двумя щелями.

Машина нехотя оторвалась от земли и отправилась в полет. Чем выше она поднималась, тем живописней вид открывался пассажирам. Несмотря на ветер и лютый мороз, небо оставалось кристально чистым, правда, оно каким-то образом сменило окрас: с привычного голубого на ярко-сиреневый. Этот новый цвет выглядел даже неплохо, особенно на контрасте с белым заснеженным лесом и степью, если бы не одно но: сия метаморфоза служила предвестником на-

двигающегося конца. Вдалеке тянулась «линия горизонта», а за ней существовала лишь пустота: пространство без гравитации, законов и жизни. Квантовое пепелище, которое не поддавалось точному описанию. Теперь слова Хельковской о *пригодных* землях обрели смысл. У данного мира, похоже, имелся край, вполне осознанная и конкретная грань, с которой легко можно было свалиться, погрузившись в небытие. Одно лишь только солнце продолжало светить, как и прежде, невзирая на странности, наперекор всем проблемам, и это, бесспорно, вселяло надежду в немногочисленных выживших.

– Так, значит, это он, да? – поинтересовался седовласый мужчина в бело-сером камуфляжном бушлате. – Наш спаситель? Он сказал, как его зовут?

– Нет, – покачал головой Одинцов. – И поверь, Андрей, лучше тебе не слышать ту кличку, которую карга для него придумала.

– Не смей так отзываться о старших, сопляк, – возмутился собеседник, но лишь понарошку. – Меня за спиной ты тоже старым хрычом обзываешь?

– Нет, конечно, – незамедлительно ответил командир. – Для тебя я подбираю более матерные прозвища.

Они оба улыбнулись.

– И всё же, скажи, что там у него за кличка? – настоял пожилой военный. – Человек к нам на выручку пришел, как-никак. Давай с ним хоть познакомимся нормально, – предло-

жил он, но через секунду добавил: – Он же ведь человек, да?
Олег тяжело вздохнул.

– *Господин* Наблюдатель. Можете обращаться к нему *Господин* Наблюдатель.

– Ого! Помпезно. Ничего не скажешь, – отметил седовласый. – Ну, да какая мне разница. Господин Наблюдатель, рад с вами встретиться. Меня зовут Андрей Тюрков.

– О! О! А я Юрий Хединский, – вдруг вмешался в разговор еще один военный: рыжий и немного полноватый. – Но можно просто Юра... или Хед. Это у меня позывной такой.

– Юра, угомонись! – попытался успокоить товарища Одинцов. – Откуда столько энтузиазма?

– Так это же гость из другого измерения! Обалдеть можно! Я раньше о таком лишь в книжках читал да по телику видел.

– Ага, а пейзаж, значит, за окном тебя несколько не удивляет, да?

– Не придирайся, командир. Ты же меня понял! – просто-напосле чего вновь переключился на Наблюдателя. – В общем, давайте я представлю вам всех оставшихся, – предложил Юра и пальцем указал на худосочного блондина с повязанным вокруг шеи зеленым шарфом. – Вот этого вот красавчика зовут Никита Бальдров. Он наш снайпер.

– Привет! – незамедлительно ответил военный.

– Ага. А второй, значит, Фраер. Прошу любить и жаловать.

– Не Фраер, а Фрейр! – раздраженно поправил его лысый солдат. – Юра! Достал уже мою фамилию коверкать.

– Да, да, – совсем не смутился Хед, явно давая понять, что наслаждается содеянным. – У него, в общем, скандинавские корни. Так, что еще... Ах да! В детстве я мечтал стать фермером, но как-то не сложилось. В восемнадцать лет меня забрали в армию, и с тех пор я с пулеметом не расставался. Призвание, видать, такое.

– Юра. Ты что творишь? – прервал его командир.

– Как что?! С Господином нашим знакомлюсь. Хочу, чтобы он узнал обо мне побольше. Да про всех нас! Не волнуйтесь, я про каждого немного расскажу.

– Не стоит. Только зря потратишь время. Гость нам попался неразговорчивый, поэтому он ничего тебе не ответит. Так что иди-ка лучше спать. Кстати, это касается всех. До Крота лететь примерно четыре часа. Советую вам всем хорошенько отдохнуть и подготовиться к операции. Если трюк Хельковской удастся, то нам придется быстро отступать и ждать прихода основной кавалерии. Времени на сон не останется.

Атмосфера пропала в мгновение ока, но никто не мог поспорить с разумностью только что сказанных слов. Военные молча разбрелись по своим углам. То же сделал и Олег: сел в кресло, потуже закутался в бушлат и закрыл глаза. Через несколько минут он уже крепко спал рядом с испускающей свет коробкой.

Олег! Он меня заинтересовал. Я чувствую его гнев, подавленную ненависть. Но этого недостаточно! Хочу знать больше! Выяснить причину! Предпосылки! Погрузиться глубже в его разум, правда, тем самым я открою ему и свой. На любое действие последует противодействие. Ну и пусть! Кто ему поверит? Сейчас, пока он расслаблен! Пока не настороже!

– Мама, ну мы же договорились! Я хочу сходить на день рождения к Алёне. Весь класс туда пойдет!

– Глупости, Олег! Этих праздников у тебя будет еще много, а прослушивания, возможно, уже никогда. Только подумай, пробы в кино! Такой шанс дается лишь раз в жизни, и я не собираюсь его упустить. Ты станешь звездой, мой мальчик. Ты обязательно прославишься!

– Мама! Но я же уже сказал, что приду! Алёна меня ждет!

– Так! Не хочу больше ничего слышать! Встретишь ее в школе и вежливо откажешься. На этом всё! Лучшие давай поговорим о твоей успеваемости. Преподаватель по риторике звонила. Сказала, что ты начал лениться. Это неприемлемо, Олег! Иди в свою комнату и выучи стих, который она задавала, понятно?! Я обязательно приду и проверю. И впредь не позорь меня так!

– Не выучу...

– Что ты сказал?

– НЕ ВЫУЧУ! – прокричал он. – И на прослушивание не пойду! Алёна мне нравится. Ясно! Я не стану ей отказывать.

– НЕБЛАГОДАРНЫЙ ЩЕНОК, – взревела женщина, подскочила к ребенку и ударила его. – Ты хоть представляешь, сколько сил я на тебя трачу! Каждый день горбачусь на работе, чтобы оплачивать твоих репетиторов! И вот так ты решил мне отплатить?! Повелся на какую-то мелкую мразь?! Прекрасно! Замечательно! Весь в своего проклятого папашу! Лишь одни жалобы и ни капли преданности. Но тебе я не позволю тебя бросить! Ты слышишь?! Не позволю!

Несколько минут она просто стояла и тяжело дышала, а потом начала плакать. Наклонившись к Олегу, женщина заботливо охватила его лицо руками. Заставила посмотреть себе прямо в глаза.

– Прости, Олег. Я не хотела причинять тебе боль. Я просто слишком остро отреагировала... Но ты же ведь любишь маму? Любишь, правда? Вот и мама тебя любит. Мы с тобой одни в этом мире, поэтому давай заботиться друг о друге. Хорошо? А теперь иди, дорогой. Иди в свою комнату и выучи стих. Не волнуйся, прослушивание обязательно пройдет как по маслу. А твои синяки мы снова замажем тональником.

Олег невольно вздрогнул, отчего и проснулся. Лицо матери, ее лживая добрая улыбка еще стояли перед его глаза-

ми, поднимая со дна подавленную ненависть. Военный давно убежал от прошлой жизни, сделал это десятилетия назад, скинув оковы рабства, но желанной свободы так и не обрел. Неутолимый гнев... гнев к очередному *господину* всегда был и будет частью его осознанного существа. Конечно, он тоже не безгрешен. Совсем недавно наехал на отряд. Не позволил ребятам немного повеселиться, расслабиться перед операцией. Да! На то имелись причины, но и не замечать своего умысла и личной прихоти в содеянном он тоже не мог. Одинцов не доверял Наблюдателю, сторонился его, и, кажется, не зря. Если интуиция не подводила Олега, то их новоявленный гость из другой вселенной только что капитально покопался в его голове, подняв наружу давно забытые воспоминания. Жутко! Однако на этом странности не заканчивались. С самого пробуждения военный ощутил необъяснимую связь с тем, кто сидел в этой светящейся коробке. Олег словно начал чувствовать его на расстоянии и улавливать отголоски эмоций. Как? Почему это произошло, причем так внезапно? Виной тому стал их длительный контакт? Наблюдатель что-то сделал с Одинцовым, пока тот спал? Решил выведать его тайны, отчего и открыл некий телепатический канал, но работающий в обе стороны? Не! Бред! Гадать можно было до бесконечности, но, чтобы узнать наверняка, требовалось обратиться к ученым.

Мужчина выпрямился в кресле, пытаясь таким образом прогнать из тела остатки сна, после чего выудил из кармана

рацию.

– Прием. Это Одинцов. Есть кто на связи?

Он старался говорить как можно тише, дабы не разбудить своих отдыхающих товарищей. Конечно, его чаяния были напрасны: военные уже успели проснуться и наострили уши, собираясь подслушать его короткий разговор с учеными. Ну вот и отлично. Не придется потом им всё пересказывать.

– Одинцов?! Что-то ты рано, – послышался гнусавый голос с той стороны устройства. Хаим, без сомнения. – Вы вроде еще в полете должны быть. Что-то случилось? Профессора сейчас здесь нет. Она снова спать пошла. Мне ее позвать?

– Не надо, – буркнул Олег. – У меня всего пара вопросов о нашем *Господине*. Сможешь на них ответить?

– Постараюсь, конечно, – неуверенно произнес помощник. – Хотя я уже говорил: это не совсем моя специальность.

– Ясно, ясно. Короче, слушай. Хельковская вроде как упоминала, что гость способен улавливать мысли окружающих его людей, правильно?

– Да, упоминала. Мы, по крайней мере, так думаем.

– Отлично. А на промывку мозгов эта штука... то есть Наблюдатель способен?

Хаим замялся.

– М-м-м, не знаю, если честно. А что? Какие-то подозрения?

– Да нет, – соврал Олег, – просто перестраховываюсь. Ну

так как? Способен?

– Боже! Одинцов! НЕ-ЗНА-Ю! – по слогам повторил Хаим свою чуть ли не жизненную мантру. – Даже профессор тебе с уверенностью не скажет. В данном деле мы – первопроходцы. Будь у нас время, мы бы обязательно всё сперва проверили, но ты же и сам понимаешь. Его у нас нет.

– Принял, – буркнул заметно погрузневший Одинцов. Получается, остается лишь уповать на то, что гость в коробке не окажется каким-то засранцем по типу тех умников, которые захотели вписать свои имена в историческую летопись и создали пространственную дыру, погубившую ббольшую часть мира. – У меня остался последний вопрос.

– Я весь во внимании.

Олег задумался и попытался сконцентрироваться на той странной связи, которую недавно ощутил.

– Может быть такое, что и мы способны как-то его чувствовать? Без приборов и всего прочего?

– Э-э-э, – удивился ученый. – Ты это сейчас серьезно?

Олег уже начал жалеть, что вовремя не прикусил язык.

– Серьезно. Мне кажется, что Наблюдатель очень боится скуки. Он постоянно требует развлечений и чего-то интересного. А еще он оценивает нас. Всех и каждого. Смотрит на окружающих свысока, словно мы менее живые, чем он сам.

– Одинцов, – ответил Хаим после небольшой паузы. – Ты уверен, что тебе это не приснилось?

– Не уверен, – мрачно ответил он. – Ладно, забудь. До сле-

дующего сеанса связи, – произнес военный и убрал рацию обратно в карман. Отныне и до самого прибытия на место Олег лишь многозначительно молчал, впрочем, как и другие члены его отряда.

Вертолет высадил их в ближайшей безопасной точке. Подлетать к Кроту слишком близко было опасно. Он обязательно заметил бы машину, как, собственно, и небольшой отряд, правда, не так скоро. Миссия как-никак являлась разведывательной. Незамедлительно бросаться в бой они не собирались, точнее, не собирались вообще, пусть и предусмотрительно захватили с собой переносной пулемет и компактные револьверные гранатометы с магазином на шесть зарядов.

Округу покрывал толстый слой снега, который блеснул в лучах заходящего солнца. До сумерек оставалось всего ничего. Отряд из одной коробки и пяти человек, идущих колонной и облаченных в снегоступы, медленно приближался к пастбищу монстра, находящегося вблизи развалин старого научного комплекса и пространственного портала.

– Нет, ну как герои в фильмах могут спокойно прогуливаться по холоду без шапок! – в голос возмущился Хединский. – Я вот две балаклавы на голову натянул и всё равно боюсь, что щеки отморожу.

– Так там же всё ненастоящее, нарисованное, – ответил ему Тюрков. – Вот в мое время кино было совсем другое. Глубокое! Наполненное эмоциями и смыслом.

– Ну, не знаю. Мне кажется, оно таким и осталось, – не согласился Фрейр, – но шлака появилось больше. Тут спорить не буду.

– Да, – присоединился к беседе Бальдров. – Особенно третьесортных комедий и дерьмовых ужастика. А ты что думаешь, командир?

– Кино – это не мое, – честно ответил Одинцов. – Приготовьтесь, мы выходим на позицию.

Впереди их ждал последний рывок, а когда и он оказался позади, то с вершины огромного сугроба путникам наконец-то открылся вид на всю площадку проекта «Биврест». Дальше начиналась территория Крота, его охотничьи угодья. Собственно, сам звероподобный хозяин тоже находился здесь. На показанном Наблюдателю видео это заметно не было, но великан словно рябил. Прямо как старенький цветной телевизор. На мгновение терял четкость, а потом снова ее обретал.

– Так, парни, начали! – скомандовал Олег, и бойцы незамедлительно рассредоточились по местности, заняв позиции для наблюдения и обороны. Командир же в свою очередь выудил из небольших саней, которые они всё это время тащили за собой, металлический ящик и поставил его на снег.

– Профессор, мы на месте, – доложил он по рации. – Что теперь делать?

– Крот находится в поле зрения? Можете подтвердить? – спросила Хельковская.

– Да, он хорошо виден, – успокоил ее Одинцов.

– Отлично! В таком случае настало время для нашего гостя проявить себя. Господин Наблюдатель, будьте так добры и помогите нам. Выведите Крота из состояния «суперпозиции».

Она сказала это так легко и непринужденно, словно тут не существовало никакой сложности. Требовалось лишь посмотреть на великана? Если да, то как пристально? Когда люди вообще начинают поистине всматриваться в человека, находящегося напротив них? Замечают его настоящего, а не тот поверхностный или придуманный образ, сформированный в момент первого общения?

Мысленный взор Наблюдателя устремился аккуратно к самому монстру. Он предстал перед Господином во всей красе, во всех мельчайших подробностях: вытянутая зубастая пасть и маленькие черные глазки, голубая тонкая кожа, через которую проступали массивные мышечные волокна, и длинные, толстые когти. Да, Наблюдатель видел великана – несчастное животное, запутавшееся в межпространственном капкане. Бедняге нужно было лишь показать выход, слегка подтолкнуть в нужном направлении, что Господин, собственно, и сделал. Его особое состояние резидента сразу двух вселенных позволяло ему повлиять на микромир существа и запустить цепную реакцию. Фундаментальные частицы сразу же ответили на вторжение извне. Отпрянули, заняв единственное положение. С их состоянием «суперпозиции» сразу же

оказалось покончено. Следом подтянулись атомы и молекулы, а затем кости и органы. Великан начал материализовываться, однако не на том месте, где раньше стоял, а там, куда его намеренно отправил Наблюдатель.

Для военных же данный процесс выглядел совсем по-другому. Для них монстр просто исчез, растворился в воздухе, не оставив и следа.

– Что?! Где он? – насторожился Олег. – Профессор! Монстр пропал. Это нормально?

Но послушать ответ Хельковской ему так и не дали. Его барабанные перепонки чуть не лопнули от ужасающего клокочущего рыка, раздавшегося где-то позади. Мгновение – и по правую сторону от него, там, где только что находился Тюрков, появились огромные сжатые челюсти. Еще через секунду они поднялись вверх: великан словно закинул содержимое пасти подальше в глотку, – а на снегу остались лишь несколько пятен алой крови и оторванная рука.

– ПРОКЛЯТЬЕ! ОН СЗАДИ!

Олег даже не думал, лишь быстро развернулся и выстрелил дважды. Обе гранаты попали в туловище голубого великана, благо целиться особо не требовалось: мишень была огромной. Крот взревел от боли. Он больше не телепортировался. Получал урон. Отлично! Однако нанесенных повреждений не хватило, дабы свалить трехметровое чудовище. Содеянное лишь пуще его разозлило.

Монстр перевалился с лапы на лапу, а потом резко бро-

сился в атаку на Фрейра. Лысый военный сразу же понял: в столь глубоком снегу у великана преимущество в маневренности и скорости. Олегу и остальным потребуется время, чтобы разорвать дистанцию и выйти на более выгодную позицию для стрельбы, в связи с чем до самого последнего момента Фрейр не пятился, а выжимал спусковой крючок, посылая всё новые и новые снаряды в голову чудища.

Морда Крота после парочки удачных попаданий превратилась в месиво. Если глаза и уцелели, то оказались залиты черной густой кровью, которая полностью закрывала ему обзор, однако занесенную вбок лапу остановить уже не получилось.

Фрейр осознал, что мертв, еще до того, как чудовищный по силе удар обрушился на его тело, смолов грудину и позвоночник в труху. Словно легкая тряпичная кукла, он поднялся в воздух на несколько метров, а потом пропал в объятиях белоснежных холодных хлопьев.

– ФРЕЙР! ЧЕРТ! – закричал Хединский. На мгновение гнев и съехавшая на глаза балаклава ослепили военного. Он сжал рукоять своего пулемета и начал палить без разбору.

– ЮРА! УСПОКОЙСЯ! ОСТАНОВИСЬ! – взревел Одинцов. Сейчас им требовалась стратегия, четкое построение, а не хаос. Им надо было окружить зверюгу. Загнать ее. Иначе не победить! Иначе жертва Фрейра станет напрасной!

Покинув свою позицию, он бросился к товарищу, но вовремя заметил, что так же поступил и Бальдров. Никита на-

ходился ближе, а значит, и добраться до Юры сможет быстрее. Незачем им сейчас сбиваться в кучу. Лучше ему пойти в противоположную от ребят сторону и отвлечь внимание монстра на себя.

Ноги тонули в снегу, а каждый глубокий вдох обжигал горло. В магазине осталось четыре гранаты. Нужно использовать их с умом. Шанса перезарядиться Крот может и не дать.

Хединский же продолжал поливать великана шквальным огнем. Он видел лишь свою цель – чудовище, погубившее уже двух его друзей.

Очередной настойчивый залп вспорол живот великана. Раздался новый клокочущий рев, правда, в этот раз напоминающий плач.

– АГА! БОЛЬНО ТЕБЕ, ТВАРЬ?! БОЛЬНО?! – обрадовался Хединский. Кровавая лихорадка и жажда убийства окончательно им завладели, поэтому, когда Крот начал смещаться влево, пытаясь скрыться от его атак, Юра не подумав направил дуло своего оружия вслед за ним.

– ЮРА! ХВАТИТ! – только и успел крикнуть почти добравшийся до товарища Бальдров, но было уже слишком поздно.

Грохот пулемета прекратился. Хединский поправил рукой балаклаву, не веря тому, что предстало перед его глазами: Никита оказался на линии огня.

– Нет, – охнул Одинцов. – ЮРА! НЕ НАДО! НЕ ОСТА-

НАВЛИВАЙСЯ! УЖЕ ПОЗДНО!

Но Хединский его не слушал. Военный снял с лямки пулемет и бросил его в снег. Так было легче идти туда, где на землю только что упал Бальдров. Юра видел, что попал Никите прямо в голову. Смертельное ранение, но ему хотелось удостовериться... хотелось ошибиться. Добежав, он склонился над другом, над братом по оружию и впал в ступор. Мог лишь смотреть на то, что натворил, не замечая ничего вокруг, даже многотонное раненое чудовище, решившееся на последнее отчаянное нападение.

Крот обрушился на Бальдрова и Хединского, накрыв их огромным телом. Ориентировался на ощупь, на былой звук, и сумел попасть лишь благодаря своим габаритам. Олегу же оставалось лишь смотреть на произошедшее со стороны и корить себя за беспомощность.

Монстр помнил, что остался еще один выживший. Сражение не закончилось, но, утратив способность видеть, он мог только беспомощно крутить головой и скулить. Подняться у него больше не вышло. Последние силы вытекали из него вместе с черной кровью, а любое, даже самое незначительное движение причиняло жгучую боль. В итоге Крот решил сдаться. Лег на землю и начал ждать прихода смерти.

Интересно, его добьют или оставят мучиться, пока жизнь окончательно его не покинет? Что же, залп из гранатомета послужил ему ответом.

Четыре выстрела, четыре последовательных раската гро-

ма прокатились по заснеженной округе. Одинцов выпустил из рук оружие и рухнул на колени. Они сразу же начали утопать в снегу. Пришлось выставить перед собой руки, чтобы совсем не увязнуть.

Весь его отряд погиб... Олег просто не мог в это поверить. Они же собирались лишь убедиться в правоте Хельковской, понаблюдать за Кротом со стороны, а вовсе не вступать с ним в ожесточенный бой. Как так вышло? Как великан оказался позади них?

И тут до военного, наконец, дошло. Его товарищи не погибли... их убили.

Встать получилось не сразу, но все-таки у него вышло. Вновь оказавшись на ногах, Олег незамедлительно направился к краю склона, туда, где он в последний раз видел металлическую коробку с двумя щелями, из которых валил свет.

Она лежала там, где он ее и оставил. Целехонькая. Без единой царапины. А рядом валялась брошенная в суматохе рация, которая продолжала транслировать взволнованные возгласы профессора.

– Одинцов! Одинцов! Черт! Ответьте, хоть кто-нибудь.

– Профессор, – произнес Олег, подняв свое устройство для связи. – Это он... Он виноват. Он их всех убил, – нескладно доложил военный, испепеляя металлическую коробку взглядом.

– Одинцов! Что? О чем ты таком говоришь?! Что у вас

там случилось?!

– Мой отряд. Все погибли. Я единственный выживший.
Наступила пауза.

– Что произошло? Эксперимент провалился? У Господина Наблюдателя не получилось материализовать Крота?

– О, нет! – с гневом в голосе ответил Олег. – Еще как получилось! Великан мертв. Мы его убили, а этот ваш проклятый *Господин* переместил его прямо нам за спины. Да! Я знаю! Это его вина! Он специально так сделал. Не хотел, чтобы мы ушли. Не хотел скучать! Ему нужно было шоу! Кровавое зрелище! И мы вдоволь его позабавили! А теперь я его убью! Разберу на части за то, что он сотворил с моими парнями.

– Нет! Не смей! – взревела Хельковская. – Я не совсем поняла, что случилось, но ни в коем случае не трогай Наблюдателя. Мы разберемся, хорошо? Я обязательно выясню правду. Уверена, наш гость ничего такого не хотел и это лишь случайность. Несчастный случай! Вот увидишь! А сейчас успокойся. Помощь уже в пути. Просто дождись ее, ладно?

– И не подумаю, – буркнул в ответ Одинцов.

– Олег, хватит! Ты не понимаешь! Он нам нужен! – взмолилась профессор, и по ее голосу было понятно, что она не на шутку испугалась. – Мы не знаем, что случится, когда врата будут разрушены. А что, если наше измерение тоже «застрянет», прямо как Крот, и мы окажемся в западне между вселенными? На строительство второго «Глейпнира» времени

нет, да и нет никаких гарантий, что нам вновь удастся установить контакт. Слишком много неясного! Слишком много потенциальных рисков, но в одном я уверена точно: пока Господин за нами наблюдает, мы будем *существовать*.

«Вот, значит, как, – подумал Олег. – Вы готовы прислуживать кому угодно, волочить жалкое существование и пресмыкаться, лишь бы оставаться в живых».

Всё сказанное Хельковской – не более чем теории и домыслы, а вот Олег кое-что знал наверняка, ведь у него имелась та странная связь с Наблюдателем. *Господина* не заботили чужие жизни. Он был готов пожертвовать ими всеми, не только товарищами Одинцова, а целым измерением, лишь бы продолжать веселиться. Такому человеку или неведомому существу нельзя доверять. Лучше как можно скорее от него избавиться.

– Однажды вы поймете, что я оказываю вам услугу, профессор.

– Олег! Нет!

Но военный не стал ее слушать и выбросил рацию подальше.

– Ну что, теперь только ты и я, *господиншика*.

Одинцов подошел к коробке и взял ее в руки.

– Ничего, сейчас я откопаю свой гранатомет, и мы устроим небольшую стрельбу по мишеням, – пообещал Олег Наблюдателю, как вдруг земля ушла у него из-под ног: верхний пласт снега утратил устойчивость и сошел вниз по склону,

увлекая Одинцова и светящуюся коробку прямо за собой.

Крутясь и перекатываясь, военный оказался у подножия сугроба. Совершая последний нежеланный кульбит, он сильно приложился об острую грань металлического ящика головой.

– Проклятье, – выругался Олег, стараясь выбраться из-под толщи снега. Ударившись, он рассек правую бровь. Глаз потихоньку начал распухать, а из раны полилась горячая кровь.

«Не волнуйся, дорогой. Мы снова замажем твои синяки тональником», – вспомнил он голос матери, отчего только сильнее разозлился.

Да! Трудно было не удивляться такому странному стечению обстоятельств. Теперь оружие оказалось далеко наверху. Подъем, особенно с тяжелой поклажей, займет с десятков минут. К этому времени его уже могла догнать обещанная Хельковской кавалерия и помешать совершить задуманное. Нет! Нужно было срочно придумать что-то еще. Найти другой способ уничтожить коробку... И он его нашел, причем практически сразу.

Одинцов схватил ящик и побрел вперед по когда-то запретным землям, принадлежавшим ужасному великану. Путь его вел аккурат к трехгодовалым руинам, а точнее, к их самому сердцу: черной дыре, связывающей воедино два уже не совсем параллельных мира.

Нет лучшего места для гостя из чужой вселенной, чем пространственный тоннель в другую такую же, а может, если

повезет, и в самую преисподнюю.

Военный тяжело дышал. От спешки у него сбилось дыхание. В голове всё еще звенели колокола, а правый глаз окончательно закрылся. Он даже и не заметил, как оказался прямо у заснеженного постамента и врат, – главной причины всего творившегося здесь беспорядка.

Темный круг, обрамленный золотистым свечением, в отличие от тоннеля из фантазий Олега, совсем не гудел и не вибрировал. Он просто оставался спокойным, словно зеркало, в котором отражалась беззвездная тихая ночь.

Ну вот, настал момент для прощаний, для свершения мести и реализации плана по спасению. Форы у него больше не осталось. Военный истратил ее полностью. За спиной уже слышались звуки приближающегося вертолета, но, несмотря на всё это, Одинцов медлил.

Его словно окатило холодной водой. Он прозрел и невольно ужаснулся тому, что делает.

«Что я творю?! А если судьба всего мира и правда зависит от этой треклятой коробки?»

Да, у него было свое мнение на данный счет, но разве ставки сейчас не оказались слишком высоки? Невольно он опять превратился в подонка, уподобился взрастившей его биологической матери. Погряз в собственных желаниях и мыслях, пусть кажущихся ему абсолютно верными и праведными. И самое страшное: он собирался втянуть в это других.

Неужели он реально готов рискнуть всеми немногочис-

ленными выжившими своего измерения ради личной вендетты и освобождения от нитей, за которые дергает очередной Господин? Без сомнения, люди, создавшие пространственный портал, тоже хотели исключительно хорошего, и вот куда их это привело. Один человек не имеет права вершить судьбы, но для организации референдума времени не осталось.

К сожалению, он никак не мог простить *Господина* Наблюдателя. По крайней мере, не после того, что тот сотворил с его отрядом. В итоге, несмотря на все размышления, Одинцов опять скатился к своему эгоизму: к жизненной потребности быть свободным и решать за себя. Мог ли он сейчас ошибаться? Конечно же! Как мог оказаться и абсолютно прав. Шансов примерно поровну. Однако именно они... Именно успехи и ошибки, сомнения и смелость делали его настоящим, а не какой-то там взгляд со стороны.

Олег решил и отправил коробку в полет. Он ничего не сказал напоследок, никакой прощальной речи или колкой фразы. Он лишь зажмурил глаза и очень надеялся их вскоре открыть, особенно после того, как Наблюдатель окончательно свалит, покинув их мир через пространственный тоннель.